

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ/PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.167.47> EDN: OIFES**РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ТАЙНУ ПЕРЕПИСКИ И ПЕРЕГОВОРОВ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Научная статья

Алексеев К.А.^{1,*}¹ ORCID : 0009-0009-6789-2115;¹ Нотариальная контора нотариуса нотариального округа Санкт-Петербурга Кечик Натальи Петровны, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (6634048[at]elkir.ru)

Предложена: 27.02.2026; Принята: 29.04.2026; Опубликовано: 18.05.2026

Аннотация

Статья посвящена анализу реализации конституционного права на тайну переписки и переговоров при переходе значительной части личной коммуникации в цифровую среду. Актуальность темы связана с расширением электронных форм общения, ростом объема данных, сохраняемых на мобильных устройствах, платформах и в облачных сервисах, а равно с усложнением границы между частной жизнью, цифровым следом и процессуальным доступом к информации. Научная новизна работы состоит в соединении конституционно-правового и процессуального ракурсов исследования: право на тайну сообщений рассматривается через изменение состава охраняемых сведений, круга обязанных лиц и процедур вмешательства в сферу частной коммуникации. Цель исследования — выявить, каким образом цифровые технологии меняют содержание названной гарантии и какие юридические средства обеспечивают ее сохранность. Используются формально-юридический, сравнительно-правовой, логико-аналитический методы, приемы систематизации и обобщения научных публикаций последних лет. В аналитической части раскрыты проблемы цифрового профиля, электронных доказательств, доступа к мобильным устройствам, биометрической идентификации и пределов допустимого ограничения тайны сообщений. Практическая ценность полученных выводов связана с их применением при подготовке правовых позиций, совершенствовании процессуальных процедур и уточнении направлений законодательной коррекции.

Ключевые слова: тайна переписки, тайна переговоров, цифровые технологии, конституционные права, частная жизнь, цифровой профиль, цифровой след, электронные доказательства, мобильные устройства, правовые гарантии.

THE EXERCISE OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO THE PRIVACY OF CORRESPONDENCE AND COMMUNICATIONS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF DIGITAL TECHNOLOGIES

Research article

Alekseev K.A.^{1,*}¹ ORCID : 0009-0009-6789-2115;¹ Legal Counsel of the Notary Office of Notary of the Notarial District of St. Petersburg Natalia Petrovna Kechik, Saint-Petersburg, Russian Federation

* Corresponding author (6634048[at]elkir.ru)

Suggested: 27.02.2026; Accepted: 29.04.2026; Published: 18.05.2026

Abstract

The article analyses the exercise of the constitutional right to the privacy of correspondence and communications in the context of a significant shift of personal communication to the digital environment. The relevance of the topic is related to the expansion of electronic forms of communication, the growth in the volume of data stored on mobile devices, platforms and in cloud services, as well as the blurring of the boundaries between private life, digital footprints and procedural access to information. The scientific novelty of the work lies in the combination of constitutional-legal and procedural perspectives in the research: the right to the privacy of communications is examined through changes in the scope of protected information, the circle of obligated persons, and procedures for interference in the sphere of private communication. The aim of the study is to identify how digital technologies are altering the nature of this guarantee and what legal means ensure its preservation. Formal-legal, comparative-legal and logical-analytical methods have been used, as well as techniques for systematising and summarising academic publications from recent years. The analytical section examines issues relating to digital profiles, electronic evidence, access to mobile devices, biometric identification and the limits of permissible restrictions on the confidentiality of communications. The practical value of the conclusions drawn lies in their application to the preparation of legal positions, the improvement of procedural practices and the clarification of legislative amendments.

Keywords: privacy of correspondence, privacy of negotiations, digital technologies, constitutional rights, privacy, digital profile, digital footprint, electronic evidence, mobile devices, legal safeguards.

Введение

Развитие цифровых технологий радикально изменило форму человеческого общения. Значительный массив сообщений переместился из традиционных каналов связи в мессенджеры, социальные сети, электронную почту, облачные сервисы и иные цифровые среды. При таком сдвиге конституционная гарантия тайны переписки и переговоров сохраняет исходное значение, но предмет охраны становится сложнее: речь идет уже не о единичном сообщении, а о совокупности следов коммуникации, метаданных, архивов переписки, аудиосообщений, вложений, сведений о перемещении пользователя между цифровыми платформами. В правоприменении усиливается напряжение между охраной частной сферы и интересом государства к извлечению цифровой информации для целей безопасности, правосудия и расследования преступлений.

Цель исследования — установить, как изменяется содержание конституционного права на тайну переписки и переговоров при цифровизации коммуникации и какие правовые средства обеспечивают его охрану в современной российской правовой системе.

Задачи исследования:

- 1) раскрыть содержание конституционной гарантии тайны сообщений применительно к цифровым каналам связи, цифровому профилю и цифровому следу личности;
- 2) выявить правовые риски, возникающие при сборе, хранении, передаче и процессуальном извлечении электронных сообщений и связанных с ними сведений;
- 3) определить направления совершенствования гарантий защиты тайны переписки и переговоров в материальном и процессуальном регулировании.

Научная новизна работы состоит в том, что право на тайну переписки и переговоров рассматривается как сложная юридическая конструкция, связанная с защитой содержания сообщения, данных о коммуникации, цифровой идентичности лица и процедур доступа к информации. Подобный ракурс позволяет уйти от узкого понимания тайны связи как сугубо телекоммуникационного режима и рассмотреть ее через динамику цифрового оборота сведений о личности.

Материалы и методы

Материальную основу исследования составили современные русскоязычные научные публикации, посвященные конституционной охране частной жизни, тайне связи, цифровому профилю, цифровым следам, процессуальному доступу к электронным сообщениям и правовым последствиям цифровизации коммуникации. В. В. Иванов [1] анализирует защиту охраняемых законом тайн при следственных действиях с мобильными телефонами и электронными носителями; А. Н. Изотова [2] прослеживает изменение круга субъектов тайны связи под влиянием цифровизации; Д. Л. Кутейников, О. А. Ижаев, Л. В. Алексеевич, С. С. Зенин [3] рассматривают угрозы частной жизни при удаленной биометрической идентификации; Е. В. Лунгу [4] исследует трансформацию конституционных прав и свобод в цифровой среде; О. С. Маторина, Т. А. Шавырина, М. В. Орлова [5] изучают вопросы приобщения электронной переписки и аудиовизуальных материалов в судопроизводстве; А. Н. Мочалов [6] раскрывает риски цифрового профиля для конституционных прав; тот же автор [7] предлагает анализ цифровых следов как источника сведений о частной жизни; А. Л. Осипов [8] сопоставляет национальные и зарубежные подходы к защите частных коммуникаций в уголовном судопроизводстве; Е. А. Филимонова [9] исследует охрану частной жизни в условиях цифровой трансформации общества; И. А. Юрченко [10] рассматривает уголовно-правовые проблемы нарушения телекоммуникационной тайны. Сочетание указанного корпуса позволило рассмотреть тему в конституционно-правовой, информационно-правовой и процессуальной плоскостях.

В исследовании применены анализ научных публикаций, сравнительно-правовой подход, логико-аналитический разбор правовых конструкций, синтез и классификация. Перечисленные методы использованы для уточнения содержания конституционной гарантии, выявления новых объектов охраны в цифровой коммуникации, разграничения материальных и процессуальных угроз, а равно для формулирования направлений совершенствования правовой защиты.

Основные результаты

Конституционное право на тайну переписки и переговоров в цифровую эпоху сохраняет прежнее нормативное ядро — запрет произвольного вмешательства в сферу частной коммуникации и допустимость ограничения лишь на основании судебного решения, — но фактическое наполнение данной гарантии стало существенно шире. В современной среде общения защищаемый массив складывается из текста сообщений, аудио- и видеоконтента, истории переписки, сведений об адресатах, времени контакта, данных о маршруте передачи сообщения и цифровых следов, возникающих вокруг самой коммуникации. По этой причине тайна сообщений уже не сводится к содержанию корреспонденции в узком смысле, а охватывает целый пласт информации, по которому реконструируется личная жизнь человека [2], [4], [6], [7]. Конституционный текст по-прежнему задает исходную рамку охраны, закрепляя право каждого на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений.

Исследования последних лет показывают, что цифровизация изменила сам круг субъектов, связанных режимом тайны связи. А. Н. Изотова связывает данный сдвиг с выходом коммуникации за пределы классической модели «пользователь — оператор связи» и появлением платформ, сервисов обмена сообщениями, агрегаторов и иных посредников цифрового взаимодействия [2]. Вслед за таким расширением меняется и юридическая картина охраны: риск вмешательства исходит уже не от одного технического канала, а от разветвленной системы хранения, передачи и обработки данных. У Е. В. Лунгу цифровизация описана как фактор преобразования личных прав и свобод, при котором традиционные гарантии сохраняют силу, но требуют новой интерпретации применительно к цифровой среде [4]. В работе А. Н. Мочалова о цифровом профиле подобная линия получает дальнейшее развитие: профиль

пользователя концентрирует разнородные сведения, а значит, создает условия для косвенного доступа к частной жизни даже без прямого чтения переписки [6].

Отдельное значение приобретает категория цифрового следа. В публикации А. Н. Мочалова цифровые следы рассматриваются как сведения, возникающие в процессе пользования цифровыми сервисами и способные раскрывать поведение, интересы, круг общения, маршруты и предпочтения человека [7]. Для права на тайну сообщений вывод отсюда прямой: защита требуется не одной лишь «реплике» в мессенджере, а всему массиву сопутствующих данных, поскольку именно они нередко позволяют точнее восстановить частную сферу лица. При таком подходе граница между тайной переписки и правом на неприкосновенность частной жизни становится проницаемой. Соответственно, нарушение конфиденциальности метаданных, истории соединений, сведений о профиле и цифровом следе способно причинять тот же правовой вред, что и доступ к содержанию сообщений [6], [7], [9].

Существенный блок проблем сосредоточен вокруг мобильных устройств и иных электронных носителей. В. В. Иванов показывает, что следственные действия с мобильным телефоном затрагивают несколько охраняемых тайн одновременно, поскольку устройство хранит переписку, аудиосообщения, фотоархив, банковские данные, сведения о перемещении и доступ к аккаунтам [1]. Близкий вывод содержится у А. Л. Осипова, сопоставляющего российские и зарубежные модели защиты частных коммуникаций: процессуальный доступ к устройству фактически открывает вход в широкую сферу личной коммуникации, из-за чего формальные различия между осмотром предмета и вмешательством в частную жизнь теряют убедительность [8]. Д. И. Зуев, исследуя неприкосновенность частной жизни в современном уголовном процессе, подчеркивает, что цифровизация самой частной жизни требует расширения гарантий охраны при извлечении сведений из мобильных устройств и аккаунтов пользователя. Из его работы следует, что виртуальная часть частной жизни давно перестала быть периферийной и заняла центральное место в структуре личной автономии.

Вопрос о тайне «электронных коммуникаций» в уголовном процессе получил самостоятельную разработку у И. А. Юрченко и А. Л. Осипова. И. А. Юрченко связывает современную проблематику с несоответствием между традиционной уголовно-правовой конструкцией нарушения тайны сообщений и новыми формами телекоммуникационного взаимодействия [10]. А. Л. Осипов акцентирует внимание на том, что защита частных коммуникаций в процессуальной сфере зависит от корректной квалификации вмешательства: речь идет ли об осмотре предмета, об исследовании электронного носителя либо о доступе к охраняемой сфере частной коммуникации [8]. На уровне научной аргументации указанная проблема ведет к одному выводу: процессуальная форма обращения с цифровой информацией не вправе маскировать по существу более глубокое вторжение в личную сферу.

Научные публикации, посвященные электронным доказательствам, показывают еще один узел противоречий. По наблюдению О. С. Маториной, Т. А. Шавыриной и М. В. Орловой, электронная переписка и аудиовизуальные материалы все чаще становятся значимым источником доказательственной информации, но процессуальная работа с ними требует ясных критериев достоверности, целостности и законности происхождения [5]. Для предмета настоящего исследования существенен следующий момент: чем активнее переписка вовлекается в судебное доказывание, тем выше риск подмены охранительной логики сугубо утилитарным интересом к информации. В результате право на тайну сообщений перестает восприниматься как самостоятельная конституционная гарантия и начинает рассматриваться лишь через призму доказательственной ценности электронных данных. Такой сдвиг в научной литературе оценивается критически, поскольку правомерность использования переписки в суде не устраняет исходный вопрос о допустимых границах доступа к ней [5], [8], [10].

Отдельный источник угроз связан с биометрическими и профилирующими технологиями. В исследовании Д. Л. Кутейникова, О. А. Ижаева, Л. В. Алексеевича и С. С. Зенина неприкосновенность частной жизни анализируется на материале удаленной биометрической идентификации, где цифровая обработка внешности и иных биометрических признаков приводит к накоплению чувствительных сведений о человеке [3]. Для права на тайну сообщений данный сюжет имеет прямое значение, поскольку устойчивое связывание учетной записи, биометрических данных и истории коммуникаций облегчает тотальную персонализацию цифрового наблюдения. В работах Е. А. Филимоновой и А. Н. Мочалова подчеркивается, что цифровая среда создает условия для комбинирования разрозненных массивов данных, вследствие чего вторжение в частную сферу нередко происходит без единого формального акта вскрытия переписки: реконструкция личной жизни строится из цифрового профиля, следов поведения и сервисных записей [6], [7], [9].

Сопоставление исследовательских позиций позволяет выделить несколько устойчивых признаков современной модели реализации права на тайну переписки и переговоров. Во-первых, объект правовой охраны расширился и охватывает содержание сообщения, данные о сообщении и производные цифровые следы [2], [7]. Во-вторых, вмешательство в сферу частной коммуникации все чаще принимает опосредованную форму — через устройство, профиль, платформу либо биометрическую систему [1], [3], [6]. В-третьих, юридическая защита зависит уже не от одной нормы о тайне связи, а от согласованного действия конституционных гарантий, правил обработки персональных данных, процессуальных предписаний и стандартов работы с электронными доказательствами [4], [5], [8], [9], [10]. Наконец, научная литература убеждает, что прежние формулы охраны, выработанные для традиционных каналов связи, без специального уточнения плохо приспособлены к цифровой архитектуре общения.

Обсуждение

Сопоставление выбранных публикаций показывает отсутствие единой исследовательской линии в вопросе о границах тайны сообщений в цифровой среде. Одна группа авторов смещает внимание к неприкосновенности частной жизни как более широкой категории. При таком подходе тайна переписки и переговоров предстает частным проявлением общей охраны личной сферы. Иная группа работ делает упор на специфику коммуникации и предлагает рассматривать тайну связи как самостоятельный объект защиты, нуждающийся в детальной отраслевой настройке. Различие между названными позициями не сводится к терминологии: от него зависит ответ на вопрос, охватываются

ли конституционной гарантией метаданные, цифровой профиль, сведения о соединениях и иные производные массивы данных.

Материалы по уголовному процессу и электронным доказательствам выводят дискуссию в прикладную плоскость. В них наиболее отчетливо видна коллизия между потребностью расследования в доступе к цифровым источникам информации и требованием бережного обращения с личной сферой. При обращении к мобильному устройству, аккаунту либо облачному хранилищу формально ограниченное процессуальное действие способно фактически раскрыть длительный фрагмент частной жизни лица. По указанной причине традиционные категории осмотра, выемки и исследования носителя уже не обеспечивают полной юридической ясности. Разрыв между формой процессуального действия и реальной глубиной вторжения — один из центральных выводов рассмотренной литературы.

Серьезное расхождение просматривается в оценке цифровых профилирующих технологий. Для одних авторов цифровой профиль выступает новой угрозой конституционным правам, поскольку агрегирование данных создает предпосылки для постоянного наблюдения и предиктивного вмешательства. Для других исследователей первоочередной проблемой остается не сам профиль, а отсутствие четких юридических критериев его формирования, использования и оспаривания. Из данного расхождения вытекает исследовательская лакуна: научная литература уже убедительно описывает риск профилирования, но пока в меньшей степени разработала стройный механизм процессуального и конституционного контроля за обращением с подобными массивами сведений.

Еще одна лакуна связана с кругом обязанных лиц. В классической модели тайны связи юридическое внимание концентрировалось главным образом на операторе связи и государственном вмешательстве. Цифровая среда вводит новых посредников — платформы, сервисы обмена сообщениями, владельцев инфраструктуры хранения данных, операторов идентификационных решений. Научная литература уже фиксирует расширение субъектного состава, но распределение обязанностей между названными участниками описано неравномерно. Отсюда следует практический вывод: для устойчивой защиты конституционной гарантии одной лишь общей формулы о тайне сообщений недостаточно, требуется более точное разграничение режимов хранения, доступа, передачи и раскрытия цифровых данных.

Ограничения применимости сделанных выводов связаны с особенностями самого исследовательского корпуса. Часть публикаций сосредоточена на уголовно-процессуальной проблематике, поэтому их выводы не всегда прямо переносятся на гражданское, административное либо корпоративное обращение с цифровыми сообщениями. Другая часть работ носит преимущественно общетеоретический характер и не дает развернутой модели практической верификации нарушений тайны сообщений в распределенных цифровых экосистемах. Тем не менее при совместном чтении рассмотренные исследования дают цельную картину: цифровизация не устраняет конституционную гарантию, а переводит ее в более сложный режим действия, где охрана личной коммуникации зависит от качества процедур, точности понятийного аппарата и способности права учитывать производные цифровые формы частной жизни.

Заключение

Проведенный анализ позволил установить, что в условиях цифровизации право на тайну переписки и переговоров сохраняет конституционную природу, но предмет его охраны заметно расширяется. Под защиту попадают содержание сообщений, сопутствующие сведения о коммуникации, цифровые следы и данные, из которых реконструируется личная сфера человека.

Решение первой исследовательской задачи показало, что современное понимание тайны сообщений уже не ограничивается традиционными каналами связи. Цифровой профиль, история взаимодействия в сервисах, сведения о соединениях и иные производные данные тесно связаны с частной коммуникацией и требуют правовой охраны наравне с самим сообщением.

По второй задаче выявлено, что основные риски возникают при обращении с мобильными устройствами, аккаунтами, биометрическими системами и электронными доказательствами. Формально узкое процессуальное действие в цифровой среде нередко открывает доступ к широкому массиву сведений о частной жизни, вследствие чего прежние юридические разграничения теряют достаточную определенность.

По третьей задаче обоснован вывод о потребности в усилении гарантий защиты тайны сообщений через уточнение состава охраняемых данных, переработку процессуальных правил доступа к цифровой информации, более строгую регламентацию обращения с электронными доказательствами и учет расширившегося круга субъектов, участвующих в цифровой коммуникации.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Дядюн К.В., Владивостокский государственный университет, Владивосток Российская Федерация
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.167.47.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

Dyadyun K.V., Vladivostok State University, Vladivostok Russian Federation
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.167.47.1>

Список литературы / References

1. Иванов В.В. Защита охраняемых законом тайн при производстве следственных действий с мобильным телефоном и иными электронными носителями информации / В.В. Иванов // Правовое государство: теория и практика. — 2021. — Т. 17, № 4(66). — С. 183–195. — DOI: 10.33184/pravgos-2021.4.12.

2. Изотова А.Н. Трансформация круга субъектов тайны связи: влияние цифровизации / А.Н. Изотова // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17, № 3(136). — С. 40–52.
3. Кутейников Д.Л. Неприкосновенность частной жизни в условиях использования систем искусственного интеллекта для удаленной биометрической идентификации личности / Д.Л. Кутейников, О.А. Ижаев, Л.В. Алексеевич // Lex russica. — 2022. — Т. 75, № 2. — С. 121–131. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.121-131.
4. Лунгу Е.В. Конституционные права и свободы человека в свете цифровизации общественных отношений / Е.В. Лунгу // Lex russica. — 2025. — Т. 78, № 3. — С. 86–97. — DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.086-097.
5. Маторина О.С. Приобщение электронной переписки и аудиовизуальных материалов в судопроизводстве / О.С. Маторина, Т.А. Шавырина, М.В. Орлова // Социология и право. — 2025. — Т. 17, № 1. — С. 116–123. — DOI: 10.35854/2219-6242-2025-1-116-123. — EDN: PZPTHX.
6. Мочалов А.Н. Цифровой профиль: основные риски для конституционных прав человека в условиях правовой неопределенности / А.Н. Мочалов // Lex russica. — 2021. — № 9(178). — С. 88–101.
7. Мочалов А.Н. Цифровые следы человека и неприкосновенность частной жизни / А.Н. Мочалов // Антиномии. — 2024. — Т. 24, № 4. — С. 164–189. — DOI: 10.17506/26867206_2024_24_4_164.
8. Осипов А.Л. Защита права граждан на неприкосновенность их частных коммуникаций в уголовном судопроизводстве: национальный и зарубежный аспекты / А.Л. Осипов // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18, № 1. — С. 124–135. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.124-135.
9. Филимонова Е.А. Защита права на неприкосновенность частной жизни в условиях цифровой трансформации общества / Е.А. Филимонова // Правовой порядок и правовые ценности. — 2025. — Т. 3, № 1. — С. 46–52. — DOI: 10.23947/2949-1843-2025-3-1-46-52.
10. Юрченко И.А. Нарушение телекоммуникационной тайны в контексте российского уголовного права: текущие проблемы и перспективы их преодоления / И.А. Юрченко // Lex russica. — 2023. — Т. 76, № 9. — С. 44–58. — DOI: 10.17803/1729-5920.2023.202.9.044-058.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Ivanov V.V. Zashchita okhranyayemykh zakonom tayn pri proizvodstve sledstvennykh deystviy s mobil'nyim telefonom i inymi elektronnyimi nositelyami informatsii [Protection of legally protected secrets during investigative actions with a mobile phone and other electronic information media] / V.V. Ivanov // Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika [Rule of Law: Theory and Practice]. — 2021. — Vol. 17, No. 4(66). — P. 183–195. — DOI: 10.33184/pravgos-2021.4.12. [in Russian]
2. Izotova A.N. Transformatsiya kruga sub'yektov tayny svyazi: vliyaniye tsifrovizatsii [Transformation of the circle of subjects of communication secrecy: the impact of digitalization] / A.N. Izotova // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava [Current Issues of Russian Law]. — 2022. — Vol. 17, No. 3(136). — P. 40–52. [in Russian]
3. Kuteynikov D.L. Neprikosnovennost' chastnoy zhizni v usloviyakh ispol'zovaniya sistem iskusstvennogo intellekta dlya distantsionnoy biometricheskoy identifikatsii lichnosti [Privacy in the context of using artificial intelligence systems for remote biometric identification of individuals] / D.L. Kuteynikov, O.A. Izhaev, L.V. Alekseevich // Lex russica. — 2022. — Vol. 75, No. 2. — P. 121–131. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.121-131. [in Russian]
4. Lungu E.V. Konstitutsionnyye prava i svobody cheloveka v svete tsifrovizatsii obshchestvennykh otnosheniy [Constitutional human rights and freedoms in the light of digitalization of social relations] / E.V. Lungu // Lex russica. — 2025. — Vol. 78, No. 3. — P. 86–97. — DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.086-097. [in Russian]
5. Matorina O.S. Priobshcheniye elektronnoy perepiski i audiovizual'nykh materialov v sudoproizvodstve [Admission of electronic correspondence and audiovisual materials in legal proceedings] / O.S. Matorina, T.A. Shavyrina, M.V. Orlova // Sotsiologiya i pravo [Sociology and Law]. — 2025. — Vol. 17, No. 1. — P. 116–123. — DOI: 10.35854/2219-6242-2025-1-116-123. — EDN: PZPTHX. [in Russian]
6. Mochalov A.N. Tsifrovoy profil': osnovnyye riski dlya konstitutsionnykh prav cheloveka v usloviyakh pravovoy neopredelennosti [Digital profile: main risks to constitutional human rights in conditions of legal uncertainty] / A.N. Mochalov // Lex russica. — 2021. — No. 9(178). — P. 88–101. [in Russian]
7. Mochalov A.N. Tsifrovyye sledy cheloveka i neprikosnovennost' chastnoy zhizni [Digital traces of a person and privacy] / A.N. Mochalov // Antinomii [Antinomies]. — 2024. — Vol. 24, No. 4. — P. 164–189. — DOI: 10.17506/26867206_2024_24_4_164. [in Russian]
8. Osipov A.L. Zashchita prava grazhdan na neprikosnovennost' ikh chastnykh kommunikatsiy v ugolovnom sudoproizvodstve: natsional'nyy i zarubezhnyy aspekty [Protection of citizens' right to privacy of their private communications in criminal proceedings: national and foreign aspects] / A.L. Osipov // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava [Current Issues of Russian Law]. — 2023. — Vol. 18, No. 1. — P. 124–135. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.124-135. [in Russian]
9. Filimonova E.A. Zashchita prava na neprikosnovennost' chastnoy zhizni v usloviyakh tsifrovoy transformatsii obshchestva [Protection of the right to privacy in the context of digital transformation of society] / E.A. Filimonova // Pravovoy poryadok i pravovyye tsennosti [Legal Order and Legal Values]. — 2025. — Vol. 3, No. 1. — P. 46–52. — DOI: 10.23947/2949-1843-2025-3-1-46-52. [in Russian]
10. Yurchenko I.A. Narusheniye telekommunikatsionnoy tayny v kontekste rossiyskogo ugolovnoogo prava: tekushchiye problemy i perspektivy ikh preodoleniya [Violation of telecommunication secrecy in the context of Russian criminal law: current problems and prospects for overcoming them] / I.A. Yurchenko // Lex russica. — 2023. — Vol. 76, No. 9. — P. 44–58. — DOI: 10.17803/1729-5920.2023.202.9.044-058. [in Russian]